

ЦЕРКОВЬ И СТАНОВЛЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Я. Н. Шапов

В период существования Древнерусского государства одним из наиболее интересных явлений в истории Восточной Европы была христианская церковь. Однако до сих пор в достаточной степени не выявлен целый ряд вопросов относительно ее сущности и устройства в X—XII вв.: когда она возникла, в каких отношениях (не субъективно, а объективно) была с существовавшим до нее языческим культом, с патриархией в Константинополе, что унаследовала от христианства на Руси до крещения Владимира, на какие средства существовала, кто стоял во главе нее и как определялся этот глава, какие функции (кроме управления культом) выполняла, наконец, как она изменилась за первые два века своего существования. Между тем без ясного ответа на эти вопросы наше понимание многих сторон эволюции древнерусского общества по феодальному пути, истории Древнерусского государства, его права, идеологии останется довольно поверхностным и односторонним.

В последнее время интерес к этим проблемам растет. В советской науке внимание привлекают прежде всего историко-политические и историко-культурные аспекты этой темы¹. В зарубежной историографии эти вопросы еще более популярны. Это проникновение и укрепление христианства на Руси², характер церковно-административных отношений Киева и Константинополя³, время учреждения киевской митрополии и порядок назначения ее главы, ранняя история митрополичьих и епископских кафедр на Руси⁴. Постоянно вызывает интерес история христианской политической идеологии, которой посвящены как разделы многих исследований и курсов истории древнерусской литературы, так и специальные работы⁵; в меньшей степени исследуется история религиозной

¹ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М. 1956; М. N. Тikhomirov. The Origins of Christianity in Russia. «History», 1959, October, Vol. 44, № 152, pp. 199—211; Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан, З. В. Удальцова. Отношения Древней Руси и Византии в XI—первой половине XIII в. «Thirteenth International Congress of the Byzantine Studies. Oxford. 1966». Main Papers. III. Oxford, 1966.

² L. Müller. Byzantinische Mission nördlich des Schwarzen Meers vor dem elften Jahrhundert. «Thirteenth International Congress of Byzantine Studies. Oxford. 1966». Supplementary Papers. Summaries. Oxford, 1966, pp. 3—8.

³ D. Obolensky. Byzantium, Kiev and Moscow. A Study in Ecclesiastical Relations. «Dumbarton Oaks Papers», 11, 1957, pp. 27—37; L. Müller. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln. 1959.

⁴ L. Müller. Des Metropoliten Hilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden. 1962; A. Poppe. Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi. «Przegląd historyczny». T. LV. Warszawa. 1964, ss. 369—391, 557—572; t. LVI, 1965, ss. 557—569; А. Поппе. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. «Византийский временник». Т. 28. 1968, стр. 85—108; т. 29, стр. 95—104; см. также А. Поппе. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa. 1968.

⁵ И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М. 1960.

идеологии и философии⁶. Истории церкви на Руси в X—XIV вв., как специальной теме, посвящено немало новейших работ зарубежных, главным образом клерикальных, историков⁷. В советской историографии последних лет также есть опыт создания сводной популярной работы по истории церкви в России⁸.

В худшем положении оказываются другие, не менее важные аспекты: экономическое, политическое и правовое положение церкви в древнерусском обществе, ее эволюция до того значительного положения, которое она заняла в монгольское и послемонгольское время. Известно, что в экономике Руси церковь играла видную роль: епископские кафедры и монастыри являлись крупными феодалами в более позднее время — в XIII—XV вв.; известна тесная связь феодального государства с церковью, ее идеологией, ее органами в позднем средневековье, которая сделала церковь государственной, господствующей, а государство — «христианским», изображающим земную ипостась божественного царства. Однако далеко не выяснено, как сформировались это государство и эта церковь на начальных стадиях данного процесса, в конце X—XIII вв., в конкретных условиях Древней Руси.

Исследователи обращали внимание не только на принципиально общее в положении христианской церкви в раннефеодальном обществе в различных странах Европы, но не раз отмечали и характерные особенности положения церкви на Руси. Эти особенности сказываются в определенной политической слабости церковной организации и подчиненности ее княжеской власти, свидетельством чего являются не только известные факты «антиканонического» назначения и смещения епископов князьями в XII—XIII вв., но и признание этого естественным фиксаторами данных акций — летописцами. В то же время древнерусская церковная организация обладала большими судебными правами, широким судебным иммунитетом относительно всего христианизированного населения Руси, охватывающим дела о браках, разводах, имущественных спорах супругов, о взаимоотношениях и конфликтах внутри семьи, о нецерковных религиозных культах. Церковь осуществляла также юрисдикцию над большой группой населения, включавшей не только клирошан и людей, лишенных средств существования по своим физическим данным, но и некоторые категории непосредственных производителей, крестьян. Естественными являются интерес к причинам этих явлений в жизни древнерусского общества и государства и попытки найти им те или иные объяснения. Одной из таких попыток является настоящая статья.

Известно, что в Византии, в Константинопольской патриархии, которой юридически была подчинена церковная организация на Руси, светская власть в лице императора обладала очень большими правами, в том числе и в решении церковно-административных вопросов. Подчиненное положение церкви в Византии (причин которого мы здесь не касаемся) оказывало влияние на позицию церкви на Руси. Однако важнейшей причиной формирования древнерусского типа церковной организации нам представляется другое обстоятельство, связанное с условиями ее возникновения и формирования в конце X — первой половине XI века. Обстоятельство это в значительной степени заключается в том, что церковная организация была учреждена на Руси по инициативе княжеской

⁶ G. P. Fedotov. The Russian Religious Mind. Kievan Christianity: the 10th to the 13th Centuries. Harvard. 1946, N. Y. 1960; G. P. Fedotov. The Russian Religious Mind. Vol. II. The Middle Age. The XIIIth to the XVth Centuries. Harvard. 1961; М. Н. Тихомиров. Философия в Древней Руси. В кн.: М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII вв. М. 1968, стр. 90—172.

⁷ A. M. Ammann. Untersuchungen zur Geschichte der kirchlichen Kultur und des religiösen Lebens bei den Ostslaven. H. I. Würzburg. 1955; М. Чубатий. Історія християнства на Русі-Україні. Т. I (до року 1353). Рим—Нью-Йорк. 1965.

⁸ «Церковь в истории России (IX в.—1917 г.)». Критические очерки. М. 1967.

власти, она первоначально состояла при князе и (что весьма существенно) не имела собственных источников существования, обеспечивалась князем из тех материальных средств, которыми он располагал.

Учреждение церковной организации на Руси в конце X в. имело свою длительную предысторию. О существовании христианской общины в Киеве в середине X в. и христиан — княжеских дружинников — свидетельствует упоминание церкви Ильи в договоре с Византией 944 года. Значительное распространение получило христианство на Руси при Ольге, первой исторически известной княгине-христианке в Киеве. М. Н. Тихомиров предполагал, что поездка Ольги в Константинополь около 955 г., как и ее посольство к Оттону I, были предприняты для переговоров об организации епископской кафедры на Руси⁹. Однако учреждение государственной церковной организации в Киеве оказалось связанным с именем не Ольги, а ее внука Владимира.

Время княжения Владимира оставило о себе своеобразную память. Мы сталкиваемся со сведениями о ряде поступков князя, которые прямо противоположны один другому. Как известно, Владимиру принадлежит важная государственная реформа языческого культа, датированная летописцем 980 г., которая объединила культы различных территорий страны и выдвинула на первое место культ Перуна, наиболее близкий классовому обществу. Эта реформа рассматривается как определенная антихристианская реакция на политику не только его бабки Ольги, но и непосредственного предшественника Владимира на Киевском столе — брата Ярополка, женатого на христианке¹⁰. Через несколько лет после этого Владимир крестится сам и делает христианство государственной религией. После крещения Владимир пытался реформировать древнерусское уголовное право по христианскому образцу византийского толка: он заменил денежные штрафы князю за убийство (виры) физическим наказанием, однако скоро отказался от этого, вернувшись к «устроению отъню и дѣдню»¹¹, поскольку данная реформа лишила государственный бюджет важной статьи дохода. Летописи не оставили нам сведений о подобных колебаниях других князей. Деятельность и Игоря, и Ольги, и Святослава, судя по кратким известиям о них, отличалась значительно большей целеустремленностью.

Противоречивые действия Владимира объясняются не столько индивидуальными особенностями его психики, сколько переломным характером эпохи его правления, чреватой значительными изменениями в культурной, правовой, государственной сферах. Условия для этого перелома были подготовлены в результате ранее начавшихся процессов: сложения классового общества на Руси, превращения объединения племенных союзов в государство, значительного распространения в Южной Руси религии развитого классового общества — христианства. Для деятельности Владимира характерны поиски и определение тех направлений, которые стали господствующими при его наследниках и (если они не противоречили нарождающему новому общественному строю — феодализму) сохранялись очень долго.

Противоречивые реформы организации культа, связанные с именем Владимира, представляют для нас в данной статье наибольший интерес. Они показывают, что после объединения восточнославянских земель в одном государстве и укрепления власти киевского князя создание централизованной государственной церковной организации, основанной еще на древних формах местных культов, стало важной задачей. Централизация культа безотносительно к его форме была завершением определенного этапа в формировании Киевского государства. Однако

⁹ М. Н. Тихомиров. *Op. cit.*, p. 205.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ). Ч. I. М.-Л. 1950, стр. 87.

уже предпочтение Перуна другим божествам отражает новое, классовое содержание той власти, которая проводит эту реформу. Мы не знаем, какие изменения в экономических и административных отношениях сопутствовали данной реформе. Можно лишь догадываться, что такая централизация сопровождалась укреплением материальной базы и идеологического влияния культа. Замена этого сравнительно высокоорганизованного языческого культа на другой, христианский, была с внутрисполитической точки зрения лишь следующим этапом его развития и приспособления к нуждам нового общества.

Важнейшим условием, вызвавшим сложение особого типа взаимоотношений церковной организации с древнерусским обществом и государством, нам представляется уровень развития общественных отношений на Руси во второй половине X в., во время первоначального оформления церковной организации. Это была одна из ранних стадий классового общества, возникшая в результате эволюции первобытнообщинного строя в сторону феодального пути развития, характеризующаяся преобладанием общинной собственности на землю и даннической формой эксплуатации через местных представителей центральной власти и разветвленную систему княжеских погостов. Экономической основой господства одного центра, Киева, над рядом земель, объединенных в Древнерусском государстве, был более высокий уровень развития общественных отношений в южнорусских землях, связанный, очевидно, с возникновением здесь феодальной формы эксплуатации.

Характер господствующей формы эксплуатации, экспроприации прибавочного продукта у непосредственного производителя, накладывал определенный отпечаток и на форму обеспечения церковной организации. До последней четверти XI в. нет свидетельств о том, что церковным организациям — епископским кафедрам, монастырям — принадлежала земельная феодальная собственность, которая делала бы их феодалами-иммунистами, независимыми от княжеской власти. Запись об обеспечении Десятиной церкви 992 г. в Повести временных лет¹², в Новгородской Первой летописи¹³, в житии Владимира¹⁴, в Памяти и похвале Иакова Мниха¹⁵, в ранних редакциях устава Владимира¹⁶, рассказы об обеспечении церкви в XI в. в повести Нестора о Борисе и Глебе¹⁷, в Повести временных лет¹⁸, новгородском уставе Святослава Ольговича¹⁹ указывают на получение церковью десятины от княжеских даней и от княжеского суда (вир и продаж), но о каких-либо собственных, отличных от княжеских источниках обеспечения, в том числе о принадлежащей им земельной собственности, не упоминают. Церковь была независима от княжеской власти лишь как вершитель церковного суда. Однако объем ее юрисдикции в конце X — первой половине XI в., пока она не распространила свою власть на целый ряд семейных и брачных дел, принадлежавших прежде большой семье и соседской общине, был очень невелик. Что касается первых монастырей Георгия и Ирины в Киеве, то эти ранние княжеские ктиторские монастыри, упомянутые в Повести временных лет под 1037 г.²⁰, представляли собой, очевидно, те же княжеские церкви²¹ с черным духовенством, имевшие особые функции

¹² Там же, стр. 85.

¹³ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.-Л. 1950, стр. 165—166.

¹⁴ Е. Е. Голубинский. История русской церкви. Т. 1, пол. I. М. 1901, стр. 233.

¹⁵ Там же, стр. 240, 245.

¹⁶ «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ). Т. 36, вып. 1. Пггр. 1920, стр. 5.

¹⁷ «Памятники древнерусской литературы». Вып. 2. Пггр. 1916, стр. 19.

¹⁸ ПВЛ. Ч. 1, стр. 136.

¹⁹ «Памятники русского права» (далее — ПРП). Вып. 2. М. 1953, стр. 117—118.

²⁰ ПВЛ. Ч. 1, стр. 102.

²¹ Там же, стр. 109; М. К. Каргер. Древний Киев. Т. 2. М.-Л. 1962, стр. 233—234.

и существовавшие также, несомненно, на княжеские средства. Феодалная земельная собственность церкви, собственность на возделываемые крестьянами земли, впервые упоминается в летописных сообщениях о конце XI в., когда князь Ярополк Изяславич, погибший в 1086 г., отдал Печерскому монастырю «Небльскую волость, и Деревьскую, и Лучьскую, и около Киева»²². Новгородские монастыри, основанные в первой половине XII в., становятся земельными собственниками, очевидно, со времени своего возникновения. Епископские кафедры также стали в XII в. феодальными собственниками: князь Ростислав Мстиславич передал Смоленской кафедре в 1136—1137 гг. села, озера и сеножати²³.

Экономическая зависимость древнерусских кафедр от княжеской власти в конце X—XI вв. наряду с активной ролью, которую сыграла эта власть в замене государственного языческого культа государственным христианским, представляется нам тем фактором, который определил на целое столетие характер взаимоотношений княжеской и церковной власти на Руси не только в экономической, но и в политической и других областях жизни.

Формирование земельной собственности церкви в конце XI—XII вв., отразившись в источниках, а также переход под юрисдикцию церкви некоторых групп производственного населения (прощенников, прикладников, задушных людей), который в XII в. уже имел место, изменяли экономическое положение церковных кафедр, превращали их в самостоятельные хозяйственные организмы. Ко второй половине XII в. относятся первые сведения об экономических и политических конфликтах кафедр с князьями и городскими верхами. Под 1176 г. сообщается о конфискации Мстиславом и Ярополком Ростиславичами имений владимирской Богородицы, которые были, однако, возвращены ей вскоре в результате поражения Ростиславичей в княжеской усобице²⁴. К этому процессу экономического и политического усиления кафедр, очевидно, имеет отношение и известный конфликт сначала между Владимиром и Киевом, а затем между епископом и князем во Владимире 1160-х годов (конфликт был связан с тем, что Андрей Боголюбский поставил Федора ростовским епископом и попытался открыть для него митрополию во Владимире). Рост политической активности кафедр, хотя и совпадал с интересами князя, мог быть возможен, очевидно, лишь в результате значительного экономического усиления местного епископа, в ходе чего «пострадаша человеци от него... и селъ изнебывши (лишились) и оружья и конь, друзии же и роботы добыша, заточенья и грабленья (попали в рабство были заточены и ограблены)»²⁵. Политическая активность епископов в то же время отмечается и в других княжествах Руси, например, в Чернигове²⁶. В Суздале горожане «выгнали» в 1159 г., через год после поставления, епископа Леона, обвинив его в обогащении церковей²⁷. В конце XIII в. экономическая мощь кафедр выросла настолько, что представители церкви вынуждены были публично защищать свое право на земельные и другие богатства, на юридические привилегии, выступая с поучениями и историко-каноническими трактатами²⁸. Экономическая связь культа с княжеской властью, явно видная на протяжении конца X—XI вв., имела, очевидно, более древнюю основу. Можно проследить существование определенной преемственности десятинной системы обеспечения культа в языческое и христианское время.

²² «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ). Т. 2. М. 1962, стб. 492—493.

²³ ПРИ. Вып. 2, стр. 41.

²⁴ ПСРЛ. Т. 1. М. 1962, стб. 375, 377.

²⁵ Там же, стб. 355—356.

²⁶ Там же, стб. 354—355; т. 2, стб. 522—523.

²⁷ ПСРЛ. Т. 2, стб. 493.

²⁸ Я. Н. Щапов. Правило о церковных людях. «Археографический ежегодник за 1965 г.». М. 1966, стр. 72—81.

Хотя у нас нет прямых свидетельств того, на каких принципах основывалось обеспечение языческого культа как до реформы Владимира, так и после нее, ряд данных позволяет считать, что десятина от княжеских даней и от княжеского суда и здесь могла быть той формой, в которой часть прибавочного продукта, собиравшегося князем, выделялась на нужды культа. В этом отличие древнерусской централизованной десятины от тех способов обеспечения культа, которые известны в Византии, в странах Южной и Западной Европы, с одной стороны, и сходство ее с древними порядками такого обеспечения в Польше в XI в., у прибалтийских славян в XII в., у литовцев. Обычно обеспечение Владимиром киевской церкви Богородицы десятиной рассматривается как нововведение этого князя, заимствованное у тех или иных соседей Руси. Нам представляется, что наиболее вероятным путем возникновения древнерусской десятины является использование той системы обеспечения государственного языческого культа, которая сложилась в социально-политических условиях Руси второй половины I тысячелетия²⁹.

Исследователи, занимавшиеся изучением права древнерусских юридических кодексов — Краткой и Пространной редакций Правды Русской, — обращали внимание на то, что в этих судебныхниках нет или почти нет норм, регулировавших распространенные в позднейшее время конфликты, связанные с внутрисемейными и брачными отношениями. Объясняется это явление, разумеется, не тем, что в XI—XII вв. (когда были созданы эти кодексы древнерусского права) на Руси не существовало соответствующих норм права и их регулирования. Памятники древнерусского права домонгольского периода не ограничиваются двумя обработками Правды Русской, в их число входит целый ряд княжеских уставов церкви, относящихся как к Киеву времени существования единого государства при Владимире, Ярославе и их наследниках, так и к некоторым княжествам и епископским центрам времени феодальной раздробленности.

Источниковедческое исследование большого числа поздних текстов уставов Владимира и Ярослава позволяет определить юридическое содержание и состав древних архетипных текстов этих памятников, восходящих к XI—XII векам. Устав князя Владимира представляется нам документом, отражавшим договор между княжеской властью и церковью (митрополитом, епископом) о разделе раннефеодальной ренты (даней и поступлений от княжеского суда, вир и продаж) и выделении части ее в форме десятины на обеспечение церкви. Устав фиксирует также объем судебного иммунитета церкви и содержит подробный перечень тех дел, отсутствие которых бросается в глаза в Правде Русской. Этот перечень в одном из ранних текстов Оленинской редакции в переводе на современный язык таков: «Я дал (церкви): разводы, прелюбодеяние, подтвержденное свидетелями, умыкание, изнасилование, (споры) между мужем и женой об имуществе, или в родстве, или в сватовстве поженятся, колдовство, клевета, амулеты, зелья, еретичество, кусание (в драке), или дети бьют отца или мать, (или дети) судятся о наследстве»³⁰.

Устав князя Ярослава является древнерусским судебником, аналогичным Правде Русской, но который специально посвящен регулированию конфликтов, возникавших по делам, перечисленным в уставе Владимира, и судопроизводству по ним. В своем древнейшем составе, относящемся к XI в., он является прежде всего кодексом брачного и семейного права. Кроме того, в нем содержатся нормы регулирования конфликтов (также отсутствующие в Правде Русской), возникавших при оскорблениях словом и в некоторых других случаях.

²⁹ «Древнерусское государство и его международное значение». М. 1965, стр. 315—326.

³⁰ РИБ. Т. 36, вып. 1, стр. 6, стб. 6б.

Разделение древнерусского права, с одной стороны, на уголовное, наследственное, обязательное, с другой — семейное, брачное и церковное нашло выражение не только в разных кодексах — в светской Правде Русской и церковном уставе Ярослава. Важнейшей чертой судебно-административного устройства Древнерусского государства и наследовавших ему феодальных княжеств было разделение судопроизводства по этим крупным сферам общественных отношений на два широких ведомства — светское, большей частью княжеское, и церковное, в основном епископское. Органы княжеского суда руководствовались нормами Правды Русской и воплощали их в жизнь, органы епископского суда имели своим ведомственным кодексом устав князя Ярослава. Естественно, что в жизни и конфликты, и нормы права, и ведомства переплетались и соревновались друг с другом, а кодексы взаимно влияли один на другой, свидетельством чего являются некоторые общие статьи этих судебныхников.

Обращает на себя внимание очень большой объем юрисдикции церкви на Руси, отразившийся в двух старших княжеских уставах и негативно в Правде Русской. Практически по количеству дел церковное судебное ведомство вторгалось в жизнь древнерусского населения не менее часто, чем княжеское. Через епископского волостеля или тиуна проходила вся масса бытовых конфликтов, связанных с жизнью семьи, а также все дела, обусловленные заменой традиционных общинных брачных норм и обычаев на новые нормы классового общества.

Каковы причины того, что княжеская, светская юрисдикция не была всеобъемлющей, а включала лишь преступления против личности «мужа», княжеских людей, нормы, регулирующие положение зависимого крестьянства, отношения имущественные и отчасти наследственные? Чем объяснить, что семейное и брачное право, тесно связанное и с нормами охраны личности и с имущественными отношениями, на многие столетия оказалось не в светской, а в церковной компетенции, что наложило определенный отпечаток не только на формы соответствующих общественных отношений, но и на их содержание?

Ответ на этот вопрос связан с рядом социальных явлений истории Руси времени формирования и развития феодального строя. Однако основным нам представляется то же обстоятельство, о котором мы писали выше, — характер и уровень развития общественного и государственного строя Руси ко времени формирования органов княжеской и церковной властей и древнерусского права. Развитие древнерусских племен в VI—IX вв. привело к возникновению классового общества и раннего государства, выросшего из первичных политических племенных объединений, но несшего уже новую социальную нагрузку — охрану представителей родившегося господствующего класса и системы эксплуатации трудящегося населения. Оно привело и к возникновению раннего классового права, отразившегося в договорах Руси с Византией, в древнейшей Правде Русской, в сообщениях о времени первых князей в Повести временных лет³¹. Необходимость защищать нарождавшийся класс феодалов, подавлять классовые выступления против нового строя вызвала появление только тех государственных органов и тех отраслей права, которые были необходимы для существования нового общества и его защиты. Эти нормы права и оказались зафиксированными в древнейшем светском государственном кодексе Древней Руси — Правде Русской. Это была только первая ступень в формировании публичного права феодализирующегося государства, ограниченная нуждами и возможностями сравнительно еще слабой политически и бедной материально княжеской власти. Иные, не менее частые, но не столь опасные для классового строя социальные конфликты оставались традиционно подведомственными догосударственным органам публичной власти, возникшим

³¹ «Древнерусское государство и его международное значение», стр. 131—168.

в результате эволюции родового строя к классовому. Это были независимые от центральной власти общинные и семейные организации. За исключением отдельных случаев, когда государственная юрисдикция сталкивалась с общинной по делам об убийствах, по имущественным делам, нормы этого традиционного доклассового права не попали на страницы Правды Русской. Несомненно, что имманентное развитие Древнерусского государства с течением веков привело бы и приводило уже к постепенному изъятию феодальной княжеской и городской властью одной сферы традиционного права за другой и вводило новые, классовые нормы, неизвестные дотоле. Однако реальные события X—XI вв. значительно ускорили этот процесс, направив его по иному пути.

Христианизация Руси, значительный шаг к которой был сделан Владимиром в 988—992 гг., привела к возникновению в этой стране церковной организации. Приняв на Руси ряд функций (а первоначально и место в ее экономике) от прежней языческой организации культа, христианская церковь вместе с тем принесла с собой богатое приданое — социальный и политический опыт тех развитых классовых обществ и государств, где она рождалась и формировалась до X века. Уровень развития публичного права на Руси, как и в ряде соседних с ней стран Европы, значительно отличался от уровня его развития в тех странах, где длительное время существовало классовое общество, например, в Византии. Условия развития церковной организации в Византии способствовали тому, что греческие иерархи были хорошими правоведами, знавшими границы церковной и светской юрисдикции, но расширение этих границ наталкивалось на сильную и традиционную власть местных органов империи. На Руси церковной организации удалось довольно скоро нащупать те сферы публичного права, которые не были еще узурпированы государством к началу XI в. как не представлявшие угрозы новому общественному строю, но традиционно принадлежали общинным и семейным организациям. Древнерусская церковь вслед за княжеской властью наложила свою руку на новую большую группу общественных институтов, не встретив со стороны государства противодействия, но объективно помогая государственной власти в укреплении классового феодального строя и связанных с ним низших форм общественных организаций и связей — моногамии, индивидуальной семьи, христианской формы брака. Тем самым новая организация в своей области значительно способствовала развитию древнерусского права и приближению его к высшим уровням феодального общества.

Соответствующие сферы права, усвоенные церковной организацией, получили отражение в новых документах — объем церковной юрисдикции в уставе Владимира (возникшем в начале XI в.), а нормы права — в более новом уставе Ярослава, составленном первоначально в середине XI века. Вместе с Правдой Русской устав Ярослава представляет собой своего рода двухчастный кодекс права Древнерусского государства. Как и право Правды Русской, право устава Ярослава — это местное право раннего классового общества, несущего на себе многие черты архаичного общинного права. Влияние византийского права на русское и в сфере юрисдикции церкви сказывается значительно позже.

Для понимания роли церкви в политической и экономической жизни Руси важно увидеть тесную связь, которая возникла между феодальным государством и церковью в XI—XII веках. Эта связь была настолько организационной, что превратила древнерусскую церковь в лице митрополитов и епископов с их управлением в своеобразный орган государственной власти.

Если мы представим себе роль центральной публичной власти раннефеодального Древнерусского государства XI в., выросшего в результате объединения ряда доклассовых раннеполитических образований, племенных княжений, то должны будем выделить следующие важней-

шие ее функции, которые тесно переплетались между собой в реальной жизни. Государственная власть прежде всего наследовала традиционные функции доклассовых органов регулирования жизни общества в центре и на местах, используя их в новых, классовых интересах. Далее, государственная власть исполняла новые функции охраны классового господства, формирующейся феодальной собственности, подавления сопротивления трудящихся масс, становившихся объектом эксплуатации государства и феодальных организмов. Затем функцией государства было распространение власти на древнерусские племена, не вошедшие еще в его состав, на соседние племена и народности, не создавшие своей государственности и находившиеся вне других государств³². Наконец, существовала внешнеполитическая функция государства, устанавливавшего те или иные отношения с близкими и далекими государствами и влиявшего на их политику.

Как показано выше, церковь на Руси далеко не ограничивалась конфессиональной деятельностью, но в течение XI—XII вв. она взяла на себя многие из перечисленных функций. Прежде всего она проявила инициативу в изменении ряда сфер и норм общественной жизни первичных социальных коллективов, взяв в свои руки суд по семейным и брачным делам и став, таким образом, в один ряд с теми княжескими органами, которые ведали другими сферами судебно-правовой жизни. Так церковь приняла участие в отправлении первой функции государственной власти.

Что касается второй государственной функции — организации классовой эксплуатации трудящегося населения, то участие церкви и здесь имело место, хотя оно было весьма своеобразно. Несомненно, что с возникновением и развитием феодальной собственности, укреплением вотчинного иммунитета (XII—XIII вв.) церковь, как и светские феодалы, несла функции классового господства и как звено сложного по своей политической структуре феодального государства осуществляла государственную власть над населением принадлежащих ей земель. Но и до взoreвания феодального строя эта функция не была чужда церкви. Анализ княжеских уставов показывает, что в течение уже XI в. церковь принадлежала юрисдикция над рядом сословных групп древнерусского общества как производительного крестьянского населения (прощеники, прикладники, задушные люди), так и других (лечцы, паломники), а также клирошан. Эта юрисдикция не ограничивалась семейными и брачными делами, но, как показывают уставы Ростислава («даю св. Богородице и епископу прощеники с медом, и с кунами, и с вирую, и с продажами, и ненадобе их судити никакому же (княжему) человеку») ³³ и Владимира, она распространялась и на другие стороны общественной жизни этих групп. Иммунитетные права церкви на эти группы не были, очевидно, типичными правами феодального собственника, поскольку они не были связаны с собственностью ее на землю, где они сидели. Это был своеобразный раннеклассовый, если можно так сказать, дофеодальный иммунитет, возможный только там, где феодальные вотчины еще не поделили между собой населенную крестьянами землю, но государство продолжало осуществлять юрисдикцию на значительной территории.

Одной из важнейших задач, решавшихся церковью на Руси, как и в других странах, было распространение христианства на все население страны, на племена, не вошедшие еще в состав государства, а также среди соседних народов. Эта деятельность церкви шла параллельно с государственной, раннефеодальной экспансией. Принадлежность к христианской церкви, само крещение ставили нового христианина на соответствующую ступень классового общества: крестьянин или ремеслен-

³² Там же, стр. 77—127.

³³ ПРП. Вып. 2, стр. 39.

ник становились объектом эксплуатации раннефеодального государства, представитель знати занимал определенное место среди господствующего класса. Включение древнерусских земель в состав государства сопровождалось не только появлением на местных столах представителей киевской княжеской династии, но и открытием епископских кафедр — основного звена церковной власти на местах. Наконец, во внешнеполитической области древнерусская церковь в лице митрополита и его управления также несла определенные, хотя и узкие, государственные функции. Киевская митрополия как организация управления древнерусским диоцезом Константинопольской патриархии большей частью со ставленником этой патриархии и греком по происхождению во главе являлась основным, хотя и не единственным, органом связи между Киевом и Константинополем³⁴.

В процессе развития Древнерусского государства церковь заняла своеобразное место. Она появилась позже, чем возникла государственная власть, и не участвовала в становлении ее основ; последняя выросла на местной почве, в условиях существования территориальных раннеполитических объединений, в процессе социального и классового деления общества, усиления местной знати, ее конкуренции с пришлой иноплеменной знатью и борьбы за господство над большей частью восточнославянских земель.

Однако эта государственная власть в сравнении с более поздним временем была еще слаба политически, ее местные органы находились в процессе формирования, волости и «грады», раздававшиеся князьями в кормление их вассалам, не превратились еще в их феодальную земельную собственность. Христианская церковная организация, возникшая на Руси на этом этапе ее развития, в течение первых веков своего существования в результате значительной материальной помощи со стороны княжеской власти создала органы, необходимые не только для ее профессиональной деятельности. Она взяла на себя исполнение ряда политических функций, чем способствовала усилению власти князей и боярства, большему проникновению ее вглубь и вширь. Вместе с тем это поставило церковь в один ряд с княжеской (и городской) властью и сделало своеобразным органом Древнерусского государства. Эта связь господствующей церкви с государством, возникшая в конце X—XI вв., получившая особое развитие в феодальный период истории страны и изменявшаяся в течение столетий, была ликвидирована лишь в XX в., в ходе Великой Октябрьской социалистической революции, вместе с уничтожением пережитков феодального строя в России, которые сохранились до того времени.

³⁴ См. также: В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968, стр. 6.